

ЗАГАДКИ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Вадим Деружинский

Вадим Деружинский

**Загадки Шерлока Холмса.
Из записок доктора Ватсона**

«Издательские решения»

Деружинский В.

Загадки Шерлока Холмса. Из записок доктора Ватсона /
В. Деружинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964274-5

Перед вами, уважаемый читатель, необычная книга — книга-загадка. Тут собраны 24 загадочные истории о расследованиях Шерлока Холмса, о делах, как он говорил, «на одну трубку». Читателю даётся возможность посоревноваться в дедукции с великим детективом: каждый рассказ состоит из двух частей — в первой излагаются факты, во второй — разгадка. Но не спешите заглядывать в ответ; как говорил Холмс, напрягите свои извилины...

ISBN 978-5-44-964274-5

© Деружинский В.
© Издательские решения

Содержание

ЗАГАДКИ ШЕРЛОКА ХОЛМСА	6
1. Ночь Шерлока Холмса	7
2. Глаз мертвеца	10
3. Мистические убийства	13
4. Ужасный сон майора Брауна	16
5. Происшествие в музее	19
6. Цветение странной орхидеи	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Загадки Шерлока Холмса Из записок доктора Ватсона

Вадим Деружинский

© Вадим Деружинский, 2019

ISBN 978-5-4496-4274-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАГАДКИ ШЕРЛОКА ХОЛМСА из записок доктора Ватсона (со слов доктора Ватсона истории изложил Вадим Деружинский)

Перед вами, уважаемый читатель, необычная книга – книга-загадка. Тут собраны 24 загадочные истории о расследованиях Шерлока Холмса, о делах, как он говорил, «на одну трубку». Читателю даётся возможность посоревноваться в дедукции с великим детективом: каждый рассказ состоит из двух частей – в первой излагаются факты, во второй – разгадка. Но не спешите заглядывать в ответ; как говорил Холмс, напрягите свои извилины. . .

Иллюстрации друга Артура Конан-Дойла, английского художника СИДНИ ЭДВАРДА ПЭДЖЕТА (1860 – 1908). Обложка – Андрей Ладыженко.

© Вадим Деружинский, 2019

«Просматривая свои записки, я часто натываюсь на случаи, где Холмс, блистая своим талантом, мгновенно разрешил загадки, неизменно ставившие меня в тупик. Применяя свой великолепный метод дедукции, он с такой лёгкостью находил ответ, что я зачастую сомневался: уж не шутит ли надо мною мой друг. Но стоило ему раскрыть весь ход своих рассуждений, как я сразу испытывал досаду, что не смог увидеть очевидное и прийти к простым, но закономерным логическим выводам.

Вспоминая некоторые из таких случаев, где дедукция Холмса одержала блистательную и мгновенную победу, я предлагаю читателю испытать свою логику и наблюдательность и самому открыть мучительную тайну так, как умел это делать великий Холмс».

Доктор Дж. Ватсон

Великий Шерлок Холмс

1. Ночь Шерлока Холмса

– Вот и покойник, – сказал нам с Холмсом инспектор Лестрейд, когда мы спускались к берегу реки. Была ясная июльская ночь, на безоблачном небе висела ярко-свинцовая полная Луна, освещавшая всё вокруг своим призрачным, ртутным светом. Над рекой клубился туман и выползал на сырые берега, отчего река казалась шире, а даль мутнее. У воды нас ждали два констебля и судебный медик, у их ног темнело недавно вытасченное из реки тело утопленника.

Собственно говоря, в Лидзе мы с Холмсом и Лестрейдом оказались по другому поводу – мы занимались расследованием крупных махинаций «Бэнк оф Нью-Йорк». На вокзале нас встретил инспектор местной полиции Шерман, он же и рассказал нам о том, что только что на берегу реки обнаружили труп неизвестного мужчины. Несмотря на ночь, неугомонный Лестрейд уговорил нас с Холмсом взглянуть на тело – он как всегда был уверен, что без его ценной помощи местная полиция ничего не сможет сделать.

– Ага, – Лестрейд присел на корточки возле тела утопленника и тут же, отвернув голову, закрыл ладонью нос. – Ух... крепкий душок. Сколько же он в воде пролежал?

– Около двух недель, – ответил судебный медик. – Немало, в общем-то.

Я предпочел остаться в стороне, а Холмс, встав рядом с Лестрейдом, склонился над трупом.

– Действительно, две недели, – сказал он, осмотрев тело, освещенное керосиновыми фонариками констеблей. – Будьте добры, посветите-ка ещё раз ему в лицо... Вот так. Что вы об этом думаете? – спросил Холмс судебного медика, указав на рану на голове трупа.

– Это? Удар каким-то тупым предметом. Скорее всего, камнем. Причем этот удар, вероятно, и стал причиной смерти. И уж затем тело бросили в реку.

– Я сразу понял, что это убийство, – вставил Лестрейд. – У меня нюх на эти дела. – Всё так же прикрывая нос, он отодвинулся от тела подальше.

Из-за спины Лестрейда я смог рассмотреть лежащее на траве тело. Это был мужчина лет сорока, в мокром в тине расстёгнутом пиджаке, в тёмных брюках и некогда белой сорочке, которая сейчас имела тот же цвет, что и его лицо – грязно-серый. Вид покойника показался мне жутковатым, и я отвернулся.

Раздались шаги: к нам спускался со стороны дороги инспектор Шерман.

– Кое-что проясняется, – сказал он. – Мне доложили первые результаты. Похоже, тело принадлежит Эдварду Кельвину, инженеру текстильной фабрики в Лидзе. Он исчез две недели тому назад. Родственники заявили об его исчезновении, но мы ничем не могли помочь. Кельвин ездил в Лондон, где продал доставшийся ему в наследство дом. Две недели тому назад он должен был вернуться с деньгами обратно. Видели, как он выехал из Лондона, видели, как он сходил с поезда в Лидзе. После этого он пропал. Вот, оказывается, что с ним случилось...

– Вы обыскали труп? – спросил Холмс?

– Разумеется, – ответил инспектор Шерман. – Денег у него мы не нашли, хотя при нём должна была быть крупная сумма. Все карманы пусты, вывернуты, нет вообще ничего. Судя по всему, из-за денег его и убили.

– Найти бы этого негодяя! – подал голос Лестрейд. – Ух, что бы я с ним сделал!..

– Посветите-ка сюда, – обратился к констеблям Холмс.

Лучи фонариков осветили левую руку покойного. Пальцы на ней были крепко сжаты. Холмс, присев возле трупа на корточки, осторожно разжал ладонь убитого.

– Что это? – удивился инспектор Шерман.

– Тина какая-то, – высказал мнение Лестрейд.

Склонившись над телом, мы рассматривали пучок мокрой травы в ладони трупа.

– Это не может быть тинной, – возразил Холмс. – Кельвин оказался в воде уже после того, как был убит.

– Хм, фыркнул Лестрейд. – А что же это по-вашему?

Холмс вытащил из кармана пинцет и, взяв им мокрый комочек, поднёс его к глазам. Другой рукой он достал лупу, через которую стал рассматривать находку.

– Это клевер.

Холмс аккуратно вернул комочек травы в ладонь убитого, спрятал пинцет и лупу обратно в карман и повернулся к инспектору Шерману.

– А теперь вспоминайте, где здесь поблизости – выше по течению реки – есть поле, на котором растёт клевер?

Инспектор Шерман на минуту задумался.

– Нигде в округе клевер не растёт. За исключением одного места...

Единственное место, где поблизости рос клевер, находилось выше по течению реки, в миле от нас.

– Здесь всё и произошло, – сказал, оглядываясь, Холмс, когда мы через полчаса оказались на поросшем клевером лугу. – Кельвина убили, ограбили и бросили в реку. А кто там живет? – он показал на одиноко стоящий неподалеку дом.

Инспектор Шерман задал этот же вопрос местному констеблю.

– Это дом Майкла Портера, владельца сети галантерейных магазинов, – ответил констебль. Дела у него идут неважно, он почти разорён. Во всяком случае, этот дом давно заложен.

– Фамилия Портер мне что-то напоминает... – задумался инспектор Шерман. – Вспомнил! Майкл Портер – это именно тот человек, который ехал из Лондона в одном купе с Кельвином. Вот так совпадение!

– Давайте-ка побеседуем с этим Портером, – предложил Лестрейд. – Чую, он замешан в этом деле.

– Удобно ли? – спросил я. – Час ночи всё-таки...

Лестрейд и Шерман расхохотались.

– Именно ночью охотник и ловит свою добычу, – хлопнул меня по плечу Лестрейд. – Со сна труднее врать и отпираться.

* * *

Мистер Портер казался невозмутимым.

– Да, я ехал в одном купе с вашим Кельвином. Раньше я его никогда не видел и знаком с ним не был. Насчёт того, что у него была с собой крупная сумма, ничего определенного сказать не могу. Кажется, он что-то рассказывал о том, что продал недвижимость в Лондоне... Но я слушал его невнимательно. В Лидзе мы сошли с поезда и зашли в кафе, оно находится

неподалёку от моего дома. Немного посидели. И после разошлись. Я пошёл домой, а мой попутчик отправился, как я думаю, к себе.

– У нас есть сведения, – грубоватым голосом сказал Лестрейд, – что инженер Кельвин был убит возле вашего дома.

– Что вы говорите? – изумился Портер. Он посмотрел в окно, за которым полная Луна освещала луг с клевером и берег реки. – Ах да, припоминаю... Я как раз заходил в свой дом, когда с того конца луга – туда и пошёл Кельвин – я услышал шум и какие-то крики. А затем увидел бегущего оттуда высокого мужчину в синем плаще, в светло-серой шляпе и в роговых очках. Он бежал и всё время воровато оглядывался. Так это, оказывается, и был убийца! Вот кого вам надо искать!

– Вы точно помните все подробности? – спросил Портера Холмс.

– Разумеется, разве при полнолунии можно чего-нибудь не заметить?

Закончив допрос свидетеля, Лестрейд и Шерман отвели нас с Холмсом в сторону посещаться.

– Что будем делать, джентльмены? – спросил нас инспектор Шерман. – Какие будут мнения?

– Чувствую, мы напали на след убийцы, – Лестрейд ударил кулаком по ладони другой руки. – Надо искать убийцу – человека в синем плаще. Судя по тому, как уверенно держался Портер, он говорил правду.

Холмс скептически покачал головой.

– Джентльмены, этот Портер нас только что пытался одурачить. А кое-кто, – он взглянул на Лестрейда, – ему взял и поверил.

– Чем же это он меня одурачил? – обиделся Лестрейд.

Мы удивлённо смотрели на Холмса.

ОТВЕТ:

– Гляньте-ка в окно, – сказал нам Холмс. – Видите Луну? Сегодня, обращаю ваше внимание, полнолуние. Наш Портер в астрономии не силен: он не нашёл бы полной Луны на небе две недели назад – тогда было новолуние. Напомню, что интервал между полнолуниями составляет в среднем почти 30 суток, а 15 суток назад было новолуние, при котором Луна не видна на ночном небе, поскольку она в это время очень близка к Солнцу на небесной сфере и при этом повернута к нам ночной стороной. Поэтому Портер никак не мог видеть в такой темноте бегущего высокого мужчину в синем плаще, в светло-серой шляпе, да ещё и в роговых очках.

– А ведь верно, – почесал затылок Лестрейд. – Я тоже об этом сразу подумал. Ну что вы ещё ждёте, – повернулся он к инспектору Шерману, – арестуйте же скорее этого негодяя.

Когда мы остались втроем, Лестрейд сказал с недовольной гримасой нам с Холмсом:

– Какие они всё-таки тупые, эти местные полицейские...

2. Глаз мертвеца

Зимним вечером 1896 года, когда мы с Холмсом, сытно отужинав у себя на Бейкер-стрит, вели ленивую беседу и листали газеты, в комнату вошла миссис Хадсон.

– Мистер Холмс, вам записка от инспектора Лестрейда.

– Очень интересно, – оживился мой друг. – Ну-ка...

Он развернул лист и прочёл вслух:

«Дорогой мистер Холмс, тут как раз подвернулось дело, в котором Вы можете продемонстрировать Ваш, так сказать, «дедуктивный метод». Осмелюсь напомнить Вам, что в прошлую среду у нас с Вами состоялся спор относительно того, что Вы готовы разгадать любое дело, если будете принимать участие в его расследовании с самого начала. Напоминаю Вам, что мы заключили пари на 50 фунтов. Впрочем, если Вы полагаете, что заключили это пари опрометчиво, то я с превеликим удовольствием приму Ваши извинения – вместе с признанием несостоятельности Вашего «метода». Если же Вы по-прежнему упорствуете в Вашей точке зрения, то жду Вас немедленно на Торнфорд-роуд, 6, где час назад было совершено убийство.

Инспектор Лестрейд.

PS. Захватите 50 фунтов».

– Ха-ха! – Холмс радостно потер ладони. – Ну что, Ватсон, принимаем вызов?

– Без всяких сомнений! – воскликнул я.

...На Торнфорд-роуд нас встретил Лестрейд.

– Ага, мистер Холмс! – обрадовался он. – Вы всё-таки приехали. А ведь вы игрок, мистер Холмс. Азартный игрок... – и он погрозил сыщику пальцем.

Пока мы шли к дому, инспектор кратко ввёл нас в курс дела:

– Убит Эндрю Рэффит, известный промышленник. Мотив убийства известен: было похищено его недавнее приобретение – алмаз «Юнона». Мистер Рэффит в своём кабинете любовался им в одиночестве каждый вечер около часу (скажу вам, джентльмены, честно, таких чудачеств я не понимаю). Сегодня вечером, когда магнат снова любовался алмазом, в доме было ещё двое: слуга Прис и секретарь Адамс. Кто-то из них и убил мистера Рэффита. Больше некому.

Насколько я понимаю, дело было так. Рэффит сидел за столом в своём кабинете спиной к входной двери. Убийца подошёл сзади и вонзил в темечко магната кортик. Затем забрал алмаз. Но нам, не без гордости скажу, удалось спутать планы убийцы. Правда, произошло это по чистой случайности... Констебль случайно опрокинул хрустальную вазу с цветами, стоящую в кабинете убитого. Она упала на ковер, разбилась – и на полу покатился алмаз. О-о, этот убийца очень хитёр! Он не стал брать алмаз с собой, а спрятал его в вазе – в воде алмаз невидим. Потом, когда шум уляжется, убийца намеревался спокойно, без суеты и без риска забрать алмаз. Но ничего у него не вышло. А алмаз – вот он!

Инспектор показал нам «Юнону» – действительно чудесный камень, красивее которого я ещё видел.

– Итак, – продолжил Лестрейд, – у нас есть алмаз, и у нас есть двое подозреваемых. Каждый из них видел, как другой заходил в кабинет мистера Рэффита. Вначале в кабинет вошел слуга Прис – чтобы передать хозяину вечернюю почту. Через двадцать минут в кабинет Рэффита вошёл секретарь Адамс. Он передал слуге просьбу мистера Рэффита погасить свет в кабинете через десять минут – промышленник любил разглядывать алмаз в сумерках. Адамс утверждает, что оставил мистера Рэффита в полном здравии. Через десять минут Прис погасил верхний свет в кабинете – выключатель находится снаружи кабинета, и слуге для этого не пришлось входить к мистеру Рэффиту. И, наконец, ещё через двадцать минут в полутёмный кабинет снова вошёл слуга Прис. Он обнаружил, как он утверждает, своего хозяина мёртвым. Мистер Рэффит сидел в темноте в своём кресле с блестящими в сумраке мёртвыми открытыми глазами и с торчащей из макушки рукояткой кортика. Вот такой вот расклад.

Вопрос в том, кто из двух лжёт, а кто говорит правду. Либо Адамс убил мистера Рэффита, когда заходил к нему в кабинет, либо это сделал позже слуга Прис – когда слуга вошёл в кабинет во второй раз.

– Вот, мистер Холмс, и попытайтесь-ка продемонстрировать нам свою «дедукцию», – зло подытожил инспектор Лестрейд, когда мы подошли к двери в кабинет Рэффита. – А поскольку алмаз уже найден, а подозреваемых всего двое, то, я думаю, будет справедливо несколько ужесточить требования нашего пари: даю вам на поиск убийцы полчаса. То есть тридцать минут. Согласны?

И он подтолкнул приоткрытую дверь в кабинет. Та, тягуче и жутко скрипя, медленно открылась, показав темную внутренность кабинета и сумрачную фигуру мертвеца за столом. Специально для нас инспектор воссоздал всё так, как оно было до появления полиции.

– Тридцать минут – это абсурдно, – покачал головой Холмс. – Совершенно абсурдно.

Лицо Лестрейда расплылось в злорадной улыбке.

– Что, мистер Холмс? Неприемлемые условия?

– Абсолютно неприемлемые... Мне вполне хватит и одной минуты!

Он щёлкнул пальцами констеблю, дав знаком команду зажечь в кабинете свет, и, потеснив опешившего от удивления инспектора, быстро прошёл в кабинет к столу убитого.

Когда в кабинете стало светло, Холмс склонился к лицу мертвеца. Я увидел, что он смотрит в его глаза.

– Что это вы там делаете, мистер Холмс? – засуетился вокруг моего друга Лестрейд. Становясь на носки, он заглядывал за плечо Холмса. – Что там такое?

– Я смотрю в глаза убитого, – глухо отозвался Холмс. Не прошло и минуты, как он выпрямился и повернулся к инспектору. – Давайте сюда ваши 50 фунтов. Я выиграл это пари.

– Как это... – растерялся Лестрейд. – Почему это выиграла? Вы что, знаете убийцу?

– Теперь знаю. Я увидел его в глазах мертвеца, – сказал Холмс и стал набивать свою трубку.

Лестрейд растерянно заморгал. Потом, казалось, понял смысл услышанного и, засмеявшись, погрозил сыщику пальцем:

– Ха-ха! Знаю я вас, мистер Холмс! Вы, наверно, имеете в виду эту выдумку о том, что в глазах жертвы запечатлевается лицо убийцы. Как на фотографии. Я знаю эти фокусы, ха-ха. Чушь всё это!

– Вы говорите о затвердении роговицы, которая должна «отпечатать» лик преступника? Это ерунда, никакие опыты это не подтверждают. Тут вы, конечно, правы. Хотя, замечу, что, если бы этот метод «фотографии глаза» и существовал, вы бы всё равно не смогли увидеть в глазах мистера Рэффита лицо его убийцы. По той простой причине, что Рэффит своего

убийцы не видел сам, – Холмс зажал зубами прикуренную трубку и выдохнул клубы дыма. – Я имею в виду совсем другое. Посмотрите сами в глаза убитого. Вы прочтёте в них имя убийцы...

Недоверчиво глянув на Холмса, инспектор наклонился над лицом мертвеца и стал вглядываться в его глаза. Прошла минута.

– Ничего тут не написано, – сказал, наконец, он.

– Вот в этом и есть мой метод дедукции, – пожал плечами Холмс. – Я вижу то, чего не видите вы...

Признаюсь, я тоже вместе с инспектором Лестрейдом долго всматривался в мёртвые глаза мистера Рэффита, но ничего в них не увидел. В какой-то момент мне показалось, что в широко раскрытом зрачке мёртвого глаза я различил туманные контуры какой-то мужской головы – чей-то лоб, нос, короткие волосы и безумное выражение лица... Но в ту же секунду видение пропало. Мне вдруг стало жутко, по спине пробежал холодок страха...

Что же имел в виду Холмс?..

ОТВЕТ:

– Речь, конечно, не идёт о «посмертной фотографии лица убийцы в глазах жертвы». Наука это отвергает. Как отвергают это и мои многолетние наблюдения, – рассказывал Холмс. – Я имел в виду нечто другое.

Главным моментом этого дела, как я понимаю, является то обстоятельство, что секретарь Адамс заходил в кабинет мистера Рэффита тогда, когда горел свет, а слуга Прис вошёл в кабинет, когда свет был потушен. Когда именно был убит Рэффит? В темноте или при свете? Что на это может указывать?

Из того, что могло реагировать на свет в кабинете мистера Рэффита, мы можем определить только один предмет. Этим предметом являются сами глаза мистера Рэффита – его зрачки. Поскольку смерть промышленника наступила мгновенно от ранения в мозг, я предполагал, что его расширенные зрачки будут свидетельствовать о том, что смерть наступила в темноте, а суженные зрачки скажут о том, что убийство произошло при ярком свете.

Зрачки у мистера Рэффита оказались широко раскрытыми. Заглянув в них, я сразу узнал, что убийство было совершено в темноте – слугою Присом.

Вот, собственно, и всё, дорогой инспектор Лестрейд.

Лестрейд хмуро разглядывал ногти на пальцах и упрямо молчал...

...Когда мы выходили из дома, Холмс вдруг хохотнул и толкнул меня в бок своим тонким длинным пальцем:

– Учитесь, Ватсон, зарабатывать деньги: 50 фунтов за минуту работы!

3. Мистические убийства

– А знаете, мистер Холмс, порой происходят очень странные, я бы сказал – мистические убийства, – произнёс Лестрейд, и в голосе его определённо чувствовалось некое уважение к таинственности того, о чём он говорил.

Мы – я, мой друг Холмс и инспектор Лестрейд – коротали вечер в нашей квартире на Бейкер-стрит, сидя в удобных креслах у камина. За тёмным окном стучал вечерний лондонский дождь, барабана по стеклу тяжелыми каплями, и было чрезвычайно приятно и уютно сидеть вот так вот – в полумраке тёплой комнаты, у каминного огня – и вспоминать, попивая бренди, давно забытые истории.

Холмс пыхнул трубкой и, всё так же глядя в огонь камина, спросил:

– Правильно ли я вас понял, мой друг? Вы говорите о мистических убийствах?

– Именно так, – кивнул Лестрейд. – В моей практике несколько раз встречались случаи, которые вряд ли можно объяснить рационально, не привлекая к тому какие-то сверхъестественные силы.

– Очень любопытно, – оживился Холмс. – Что вы имеете в виду?

– Да вот, скажем... скажем, история, случившаяся здесь, на Бейкер-стрит. Вы о ней вряд ли слышали, она произошла задолго до того, как вы тут поселились. Лет двадцать... или даже двадцать пять назад. История о странной чередке смертей... – и Лестрейд на минуту задумался, погрузившись в воспоминания.

– Представьте себе, дорогой Холмс и вы, мистер Ватсон, – продолжил он, потирая указательным пальцем переносицу, – как тринадцатого числа некий почтенный джентльмен выходит из дому на улицу – и ему на голову падает... кирпич. Редкая трагическая случайность, не правда ли? Однако проходит месяц, и опять-таки тринадцатого числа другой человек выходит из подъезда этого же дома, и ему на голову тоже падает кирпич – и тоже его убивает. Что скажете?

– Совершенно невероятно! – ответил я. – Либо это действительно нелепое совпадение, либо... – я замаялся.

– Либо это выдумки, – продолжил мою фразу Холмс. – Уж не разыгрываете ли вы нас, инспектор?

– Боже мой, конечно нет! Подробности этого странного дела можно найти в подшивках газет того времени. Разговоров, скажу вам, было много. Многие газеты тогда пестрели заголовками мистического толка. А дело вёл, между прочим, я.

– Вот как! – Холмс повернулся к Лестрейду. – И каковы были итоги?

– Собственно... Никаких итогов и не было. Сочли случившееся несчастным случаем. И всё.

– Если вам не трудно, инспектор, расскажите подробнее. История представляется весьма странной.

– Вот именно, мистер Холмс. Очень странной. Первым погиб некий Уолтер Томсон, если не ошибаюсь, сотрудник журнала Географического общества. Его тело обнаружил констебль через несколько часов после смерти. Как выяснилось, на крыше четырёхэтажного дома 169 проводились ремонтные работы, и там были сложены кирпичи. Вечером пошёл ливень, и потоком дождя с крыши смыло несколько кирпичей – один из них угодил Томсону прямо по макушке. Дело было, как я уже говорил, тринадцатого числа. Поговаривали, что тут замешано некое проклятие и потусторонние силы, ибо этот дом был только что построен на том самом месте, где раньше казнили преступников.

Однако официально смерть несчастного сочли случайностью. Ремонтные работы на крыше было решено ускорить и проводить их с усиленным соблюдением мер безопасности.

Ровно через месяц, снова тринадцатого числа и снова в такой же дождливый вечер из этого дома вышел другой его жилец, отставной полковник Чейси. Он отправлялся в клуб, и его провожала на пороге молодая жена Роза Чейси. По её словам, в тот момент, когда полковник начал уходить от подъезда, в груды кирпичей на крыше дома ударила сильная молния, один кирпич взлетел в небо и, описав в воздухе дугу, упал прямо на голову её супруга. Удар оказался таким сильным, что дужка очков (оправа была металлической) вдавилась в череп у правого уха, как нож в масло.

Происшедшее вызвало среди жильцов дома настоящую панику: проклятие, как считали, убивает тех, кто поселился на этом гиблом месте. Страсти подогрели и газеты, видевшие в случившемся дьявольские козни и мистику. Не скрою, и я думал о чём-то подобном, хотя таких смертей больше здесь не происходило. Молния, знаете ли, действительно может швырять предметы на большие расстояния. Моя тетушка, например, видела, как молния ударила в столб, и кусок столба отлетел на добрую сотню ярдов... В этом деле получалось, что полковника убила именно молния. А молнию, – закончил свой рассказ инспектор, – в тюремную камеру не посадишь.

И Лестрейд замолчал, задумчиво глядя на всполохи огня в камине. Сухие полена трещали в огне, барабанил за окном дождь, мы молчали, и я вдруг с ужасом представил себе, что здесь, на этой улице меня так же необъяснимо может ожидать смерть с неба – в такой же дождливый вечер... Я вздрогнул – меня напугал сухой холодный голос Холмса, прервавший тишину в комнате.

– В тюремную камеру, как вы верно заметили, Лестрейд, молнию не посадишь. Зато в ней должен был сидеть убийца. Однако убийца разгуливает на свободе.

– Я не понимаю вас, мистер Холмс, – встрепнулся инспектор, – неужели вы хотите сказать...

– Да. И вы должны были это понять. Полковник Чейси был убит. Подло убит. Без всякой мистики, которая вам – да и всем остальным – помешала увидеть истину. Неужели вы этого не видите? В деле, рассказанном вами, есть три обстоятельства, на которые трудно не обратить внимание. Подумайте сами.

ОТВЕТ:

– Во-первых, – холодно сказал Холмс, выбивая свою трубку, – молодая супруга полковника Чейси, выйдя на порог дома, никак не могла видеть то, как по крыше якобы ударяет молния. Не могла она со своего места видеть и того, как молния бьёт по кирпичу, поднимает его в воздух и кидает во тьме на голову Чейси. Всё это – выдумка.

Такой же выдумкой является и то, что молния вообще способна ударить по кирпичам или чему-либо другому, находящемуся на крыше. Согласно предписаниям властей, на каждом доме в Лондоне давно установлены громоотводы – туда молния и попадает.

Наконец, хочу обратить ваше внимание на то, что дужка металлической оправы очков вдавилась, согласно вашим словам, Лестрейд, в череп полковника у правого уха. То есть, удар пришёлся не по макушке, как того следовало ожидать, и не по затылку, что могло произойти, если бы жертва в момент удара смотрела себе под ноги. Удар кирпичом пришёлся по уху. Вряд ли полковник стал бы подставлять под дождь своё ухо – это абсолютная нелепость. Совершенно очевидно, что Чейси, заслышав за спиной необычный шум, стал поворачивать назад голову – в этот момент на него и обрушился удар. Кирпич ударил не сверху, а сзади. А что, кстати, с его бывшей супругой?

– Получила большую страховку и через несколько месяцев вышла замуж за молодого коммерсанта, – ответил покрасневший инспектор. – Я и не мог подумать, что она...

– Скорее всего, это была не она, а её кавалер. Видя мистические разговоры вокруг несчастного случая, происшедшего здесь недавно, парочка замыслила совершить убийство, надеясь, что его странность напрочь отведёт какие-либо подозрения, – Холмс укоризненно посмотрел на Лестрейда. – Самое мистическое в этом деле заключается как раз в том, дорогой инспектор, что полицию так легко провести вокруг пальца.

И он показал инспектору свой худой длинный палец сыщика.

4. Ужасный сон майора Брауна

В 1896 году ряд обстоятельств – я не буду здесь на них останавливаться – привёл мистера Шерлока Холмса и меня в один из тех пансионеров Шотландии, где любят отдыхать пожилые пары и поправляющиеся после болезни отставные военные. Мы пробыли там несколько дней и за это время столкнулись с одним происшествием, о котором я собираюсь рассказать, не слишком запутанным, но весьма странным и необычным.

Мы снимали в пансионе две комнаты на втором этаже; рядом проживали вернувшийся недавно из Индии отставной майор Браун и лечивший его психиатр доктор Адамс. Надо сразу сказать, что майор Браун, как сообщила нам хозяйка пансиона, мучился постоянными кошмарами, связанными, очевидно, с его службой в Индии. Доктор Адамс прописал ему отдых в спокойном месте и привёз в этот пансион. Здесь майор находился под неусыпным вниманием психиатра, и ему, как казалось, стало лучше.

Однажды утром меня разбудили громкие взволнованные голоса, доносившиеся из соседних комнат. Накинув халат, я вышел в коридор и увидел там встревоженного Холмса.

– Что случилось, Ватсон? – спросил он, зевая. – Мне не дали досмотреть мой чудный утренний сон.

– Не имею понятия, – ответил я. – Похоже, что-то произошло в комнате, которую снимает майор Браун, если не ошибаюсь.

– Тот самый, что недавно вернулся из Индии и страдает кошмарами? Скорее всего, мой друг, ему снова приснилось нечто ужасное. Как вы думаете, стоит ли нам вернуться в постели, или, может, отправимся на прогулку?

В этот момент из дверей в соседнюю комнату появилась хозяйка пансиона миссис Кери. Она была бледна, как смерть.

– Смерть! – воскликнула она. – В моём пансионе – смерть! Какой ужас! Что подумают постояльцы?!

– Миссис Кери! – остановил её Холмс, сразу потерявший всю свою утреннюю весёлость. – Не потрудитесь ли объяснить, что произошло?

– О! – воскликнула женщина. – Вы ещё не знаете? Майор Браун... Бедный майор Браун умер от кошмара!

Мы с Холмсом переглянулись. Новость казалась весьма странной.

Войдя в комнату, мы увидели доктора Адамса – нервного человека с бородкой и большими очками, стоящего над постелью умершего. Майор Браун лежал с открытыми глазами, в которых заledenел непомерный ужас.

Холмс подошёл к усопшему и, взяв его за запястье, убедился в том, что помощь бесполезна.

– Как это случилось? – спросил он Адамса.

– Майор болел редкой и странной болезнью, – начал объяснять тот, собирая в маленький саквояж свои врачебные пузырьки и баночки. – Месяц назад он обратился ко мне с просьбой избавить его от проклятия, какое наложил на майора старый индийский факир. Индус напропорочил бедняге, что он умрёт от своего сна... Что смерть найдёт его во сне, где бы он ни был. Когда майор Браун вернулся из Индии, его стали преследовать сны, в которых являлся тот самый факир. Он двигался будто из темноты, тянул к горлу майора длинные – в несколько метров – корявые руки и... и майор в ужасе просыпался.

– Известное дело, – сказал Холмс, задумчиво вглядываясь в мёртвое лицо Брауна. – Во всём этом обычно находят присутствие мистики, хотя, скорее всего, нужно говорить о внушении. Впрочем, продолжайте...

– Рассказывать особенно и нечего, – пожал плечами доктор Адамс. – Мы приехали в этот пансион, и жуткие сны поначалу пропали. Но несколько дней назад всё началось снова. Вчера утром майор Браун рассказал мне, что видел во сне старый индийский храм, по стенам которого вились змеи, а из окон струился ядовитый зелёный дым. Из храма раздался страшный голос факира, а затем и сам старик вышел к майору и схватил его кривыми ногтями за горло... Майор от ужаса проснулся и не мог заснуть до самого утра.

Днём я заставил его прилечь на часок – под моим наблюдением. Мой пациент спал так же беспокойно, как и ночью. На этот раз факир появился из огромного дупла чёрного дерева и тянул к майору пальцы, каждый из которых был скорпионом. Браун, закричав, очнулся от сна – он весь был мокрым от холодного пота. Этой ночью майору приснился ещё более ужасный сон. Старый индус имел облик гигантской кобры, которая обвилась вокруг него и собиралась вонзить зубы в его горло.

В этот момент доктор Адамс прервал рассказ: в комнату вошли вызванные хозяйкой пансиона местный констебль и судебный врач. Поздоровавшись с ними, Холмс попросил доктора Адамса продолжать.

– Продолжать, собственно, и нечего, – вздохнул тот. – Тут роковую роль сыграло удивительное стечение обстоятельств. В то мгновение, когда кобра вонзила свои зубы в горло майора Брауна, я попытался пощупать его пульс, прикоснувшись пальцами к его шее. Шок от совпадения оказался столь велик, что сердце майора не выдержало, и с ним случился удар. Лицо его побагровело, глаза в ужасе открылись, он попытался подняться с постели, но тут же без чувств рухнул на простыни... Я позвал миссис Кери на помощь, мы вместе попытались спасти несчастного, но он умер, так и не приходя в сознание... Факир из далекой Индии говорил, что он должен умереть...

– А Шерлок Холмс из близкого Лондона говорит, что вы должны быть арестованы! – резко сказал Холмс и повернулся к констеблю. – Арестуйте этого человека, констебль. Он лжёт.

Я был безмерно удивлен. Холмс вновь продемонстрировал чудеса дедукции и увидел тайное там, где не смог его увидеть я...

ОТВЕТ:

– Полно вам, друг мой! – рассмеялся Холмс. – Всё настолько просто, что проще и быть не может.

И он стал раскуривать трубку.

– Не томите, Холмс! – мне не терпелось узнать разгадку. – Как вы догадались, что доктор Адамс – этот вежливый, интеллигентный человек – лжёт?

Холмс вздохнул, поднял брови.

– Откуда ему стало известно, что именно снилось умершему майору?

Я напряг ум и... и понял Холмса.

– Да! Да! Я тоже теперь понимаю! Это гениально, Холмс!

– Темнота! – Холмс постучал себя по лбу и отвернулся. Эта его реплика мне, правда, осталась непонятной.

Завершая эту историю, хочу добавить, что через пару недель к нам в Лондон пришло письмо из шотландской полиции, где нас с Холмсом поблагодарили за помощь в расследовании и сообщили, что доктор Адамс оказался мошенником, промышлявшим охотой за состояниями одиноких людей. Узнав о недуге майора Брауна (нервном кризисе, вызванном переживаниями в Индии), Адамс решил выдать себя за психиатра и одурачить отставного военного. Он прописал ему галлюциногены, которые вызвали приступы кошмарных снов. Затем отвёз майора в пансион, где отравил его повышенной дозой наркотика и разыграл известный нам спектакль. Если бы не наша с Холмсом роль в этом деле, утверждалось в письме, опасный преступник смог бы обмануть и полицию...

5. Происшествие в музее

– В произведениях искусства, признаюсь честно, меня привлекают не их художественные достоинства. А их криминальная история. Я смотрю на них, как на предмет, вокруг которого всегда совершают свои преступления мошенники и воры. А это, согласитесь, не менее интересная сторона художественного произведения; его, если хотите, вторая жизнь и вторая его история. Вот, скажем, что вы, Ватсон, можете сказать об этом медальоне?

Холмс показал на золотой с большим алмазом медальон, висевший за стеклом на музейной стене. Мы проводили вечер в Лондонском музее изящных искусств; согласно агентурным данным инспектора Лестрейда, этим вечером в музее должно было совершиться ограбление. Полиция знала, что ограбление непременно произойдёт этим вечером (агент Лестрейда услышал об этом на сходке в воровской среде), но никто не знал, кто именно будет грабителем. Инспектор не исключал, что им может оказаться матерый рецидивист, потому и пригласил в музей Холмса, знавшего с фотографической точностью лица сотен опасных преступников.

– О, это знаменитый медальон Мессалины! – воскликнул я. – В 1701 году его сделал итальянский мастер Косаччи. Потом он принадлежал римскому Папе, потом э... ещё кому-то. И был подарен музею лордом Вернингтоном.

Я ожидал, что мои обширные познания произведут на Холмса должное впечатление. Но Холмс выглядел разочарованным.

– Вот видите, мой друг, – печально сказал он, – оказывается, вы ничего не знаете. Этот медальон похищался 27 раз, 8 раз сбывали его фальшивую копию, одиннадцать человек было убито в борьбе за обладание им – трое из них задушено, один утоплен, четверо отравлено, двое зарезано и ещё один убит кочергой. Я могу рассказать подробности каждого случая. Это я и называю фразой «знать что-то о вещи».

Я не успел ответить Холмсу – внезапно из тёмной вереницы длинных музейных коридоров раздался пронзительный свист полицейского свистка и женский крик о помощи. Несомненно, это звала полицию одна из смотрительниц музея: всем им полиция раздала свистки и поручила свистеть, как только они заметят что-то необычное.

– Быстрее, Ватсон! – воскликнул Холмс, побежав на звук свистка. – Ограбление произошло!

Я поспешил за ним...

...Смотрительница музея, женщина лет сорока пяти, выглядела взволнованной и растерянной; из окна, собранного из цветных стекол, светил с улицы в музейную комнату зелёным светом фонарь, и в его свете лицо женщины казалось испуганным до смерти. Но я подумал, что это просто иллюзия. Я, Холмс, инспектор Лестрейд и два констебля слушали рассказ смотрительницы.

– Я, как вы, господин инспектор, мне и поручили, ходила из комнаты в комнату, стараясь вовремя заметить странное и не спугнуть того, кто намеревался совершить кражу. Я была вон там, – она показала через коридор на дальнюю комнату, – когда заметила ЕГО. Он был в этой комнате и очень подозрительно копошился возле стола с яйцами Фаберже. Тогда я медленно выглянула из-за угла... присмотрелась... И увидела, что стекла стола разбиты, а человек пытается вытащить яйцо. Тут я перепугалась, схватила свисток и стала свистеть по чём зря!

– А куда же он делся потом? – спросил Лестрейд.

– Вот он! – женщина торжественно показала свисток.

– Да не свисток, а грабитель!

– Убежал к выходу. Так ничего и не взяв.

Инспектор облегченно вздохнул.

– Ну, мы его поймаем. Уже поймали. Там на выходе всё оцеплено полицией, ему не уйти.

И он, повернувшись к констеблю, распорядился задержать всех находящихся в музее лиц мужского пола и привести их сюда.

– Сейчас мы его вычислим! – радостно потёр ладони Лестрейд. – Ну, давайте, рассказывайте, как он выглядел?

– Да никак, – пожала плечами женщина. – Я его совсем не успела рассмотреть.

Лестрейд чертыхнулся, а Холмс спросил:

– Но ведь что-то вы видели?

– Да вы не переживайте, – успокоила нас женщина. – Я его хоть и не рассмотрела, но зато знаю, кто он.

– И кто же? – удивились Холмс и инспектор одновременно.

– Солдат.

– Кто?

– Солдат, говорят вам. В зелёной солдатской каске.

Мы все замолчали.

– Ерунда какая-то, – нахмурился Лестрейд. – Почему в каске? Кто ходит в музей в каске? Томпсон! – позвал он сержанта. – Кто-нибудь заходил в музей в каске?

– Никак нет, сэр! Были посетители в шляпах, но все оставили их в гардеробе.

– Ну вот! Какая еще каска?

– Он был в каске, я вам говорю, – упрямо повторила женщина. – В железной зелёной каске. Я видела такие на Стемп-стрит, там проходила рота солдат.

– Позвольте, – вмешался Холмс, – он что же, был в армейской форме?

– Вот этого я не помню. Не заметила... Да и темновато тут. Посетители, по сути, разошлись. Время к закрытию музея – в это время, как обычно, постепенно гасят в музее свет, оставляя лишь дежурное освещение. Но каску я рассмотрела точно.

– Томпсон! – бросил сержанту Лестрейд. – Ищите армейскую каску! И быстро!

Тем временем в соседней с нашей комнате констебли собрали задержанных лиц.

– Ну что же, мистер Холмс, – сказал заметно погрузневший инспектор, – посмотрим на наших задержанных?

...Их было четверо, запозднившихся посетителей музея:

мистер Бул, майор в отставке, брюнет с бакенбардами и с презрительной улыбкой, одетый в дорогой синий костюм и лайковые перчатки; в карманах отставного майора нашли сигары, зажигалку, портмоне и золотые часы;

студент Хоткинс, испуганный и щуплый белокурый молодой человек с бегающими глазами и нервными руками, одетый в старый суконный плащ с оттопыренными карманами, в которых нашли записную книжку, письмо маме в Шотландию и пинцет;

художник Жюфруа, небритый француз в свитере и берете, с полосатым шарфом вокруг горла, имеющий при себе в сумке маленькую фляжку виски, папиросы, спички, расчёску, набор красок с кистями и альбом этюдов с натурщицами, а также зеркальце, отвертку, будильник и пару носков;

лорд Тренси, одетый по последней моде, с бородой, но абсолютно лысый, с тяжёлой золотой цепью на дорогом жилете, с тростью из слоновой кости; обыскивать лорда констебли не осмелились.

Сержант Томпсон, отозвав в сторонку инспектора, доложил, что каски не найдено.

– Ну вот, – развёл руками Лестрейд, обращаясь к Холмсу. – Вот. Что вы скажете?

Я не дал Холмсу ответить.

– Дорогой инспектор, – сказал я, зевая. – Ваше дело не стоит выеденного яйца. Пусть даже это яйцо – яйцо Фаберже.

Я мысленно поздравил себя с удачной фразой и продолжил лениво: – Я знаю похитителя.

– Ого! – обрадовался инспектор, заглядывая мне в зевающий рот. – И кто же он?

– Осторожнее, Ватсон, – предупредил меня Холмс. – Мы не должны ошибаться.

Но я был уверен, что никакой ошибки нет.

ОТВЕТ:

– Похититель – майор в отставке. Посмотрите, с каким презрением он на нас смотрит. Видите? Это не просто так. Он пытался украсть яйцо Фаберже, уверяю вас. Вы в этом убедитесь сами, если хоть чуточку поразмышляете. Он офицер. А? Понимаете? Только он мог носить каску.

– Хорошо, – сказал Лестрейд, выслушав мои слова, – а где же каска?

Я пожал плечами.

– И зачем ему эта каска? Чёрт, я вообще ничего не понимаю! – инспектор взмахнул руками и стал лихорадочно ходить взад-вперед.

Холмс кашлянул.

– Друзья, – заметил он, – вы не видите очевидного. Никакой каски не было. Только идиоту может прийти в голову мысль взять на ограбление каску. В комнате, где происходили известные вам события, фонарь с улицы светит через цветные стёкла, создающие картину казни Марии Стюарт (видите, Ватсон, я историю тоже знаю). В красках цветных стёкол преобладает зелёный цвет, и этим цветом окрашивается в музейной комнате всё – когда оставляют включенным только дежурный свет. Вы сами это можете увидеть. И голая лысина одного из наших задержанных показалась смотрительнице музея, наблюдавшей недавно марш солдат в касках, в зелёном свете армейской каской. Ничего удивительного, ибо трудно представить себе человека с зелёной блестящей на свету головой.

– Как... – задохнулся Лестрейд, – вы говорите, что лорд Тренси...

– Вот только не надо, – покачал своим худым пальцем Холмс. – Я этого не говорил. Это сказали вы.

6. Цветение странной орхидеи

– Доктор Томас Глюм скончался 15 июня 1881 года, причём скончался при обстоятельствах, которые совершенно определённо можно назвать странными...

Инспектор Лестрейд сделал паузу, отхлебнув бренди из бокала, и собрался с мыслями, пытаясь в точности вспомнить все детали этого старого дела. Мы сидели втроём у камина в нашей квартире на Бейкер-стрит и, коротая вечер, вспоминали расследования давно ушедших лет. Вспоминал, правда, большей частью Лестрейд, а мы с Холмсом слушали, и лишь изредка Холмс давал свои замечания.

– Если не ошибаюсь, доктора Глюма обнаружила умершим в своём кабинете его секретарша мисс Пенни. Эта особа, скажу вам, мне сразу не понравилась: чопорная, надменная, сухая, и, замечу, в ней чувствовалась какая-то жестокость и злоба. Хотя она была симпатичной и выглядела вполне модно: красила губы и ресницы, красиво одевалась, имела длинные покрашенные ногти. Но это – холодная, хищная красота, если вы понимаете, о чём я говорю. Не в пример ей дружелюбным и искренним казался полковник Бедхэм, старый друг доктора Глюма, живший с ним долгое время в Индии. Это был пожилой, слабый и достаточно болезненный человек, в сражениях он, к сожалению, потерял ногу, так что передвигался он на протезе и всегда опирался на трость. Со дня возвращения доктора Глюма из Индии он жил в доме доктора, помогая ему по мере сил в его работе. И, наконец, в этой драме было ещё одно действующее лицо: слуга Хост – здоровяк с типичным лицом бандита и огромными кулаками; я не хотел бы с ним встретиться один на один где-нибудь в тёмном переулке. С виду он производил впечатление спокойного человека, но стоило мне заглянуть ему в глаза, как я сразу понял, что это за фрукт. Я в этом, поверьте, имею богатый опыт.

– Так вот, – продолжил Лестрейд, отхлебнув бренди, – скончался доктор Глюм, как я уже сказал, довольно странно. Вообще говоря, это был странный человек. У него была куча денег – 12 лет назад он получил богатое наследство. Но к моменту своей смерти он истратил почти все деньги на свою коллекцию: он собирал дорогие экзотические цветы, которые ему присылали со всего мира. Большой частью эти цветы гибли, не прожив и сезона в чужом для них английском климате. Но доктор не унывал и заказывал себе новые и ещё более редкие экземпляры.

Примерно за три недели до его смерти ему доставили из какого-то невероятно далёкого и дикого уголка планеты цветок, неизвестный науке. Это была орхидея абсолютно нового, как считали английские ботаники, вида. Ни в Европе, ни в Америке никто никогда цветок не видел. Доктор Глюм поставил орхидею в своём кабинете и любовался ею дни напролёт, ожидая, когда наступит время её цветения.

Она и зацвела – в тот день, когда умер доктор Глюм. Секретарша нашла его мёртвым на полу возле подоконника, на котором стояла орхидея, открывшаяся цветками странной формы и невероятной, необычной красоты.

Секретарша вызвала врача и полицию. Я как раз и руководил расследованием. Признаюсь, на меня орхидея произвела какое-то гипнотическое воздействие. Я смотрел на цветок, и он, честное слово, пугал меня. Допросив жильцов дома и выяснив экзотическое происхождение орхидеи, я обратился к ботаническим справочникам, множество которых стояло на книжных полках покойного. И прочёл, что, согласно упоминаниям путешественников, побывавших в экзотических краях, могут встречаться виды орхидеи, аромат которых вызывает смерть.

Тут случилась и новая беда, полностью подтвердившая мои опасения, что смерть доктора Глюма связана с цветком. Коронер Степлтон, разглядывая цветок, между делом его понюхал – и упал замертво! Второй труп в этом доме. Орхидея явно несла смерть... Я, признаюсь, после случившегося боялся приближаться к цветку ближе, чем на три ярда. Собственно, я до сих пор боюсь орхидей. Да, мистер Холмс и мистер Ватсон, пусть это глупо звучит, но я боюсь орхидей. Если бы у вас перед глазами лежали два трупа, умерших от того, что понюхали цветок, я думаю, вы меня бы понимали...

Инспектор Лестрейд замолчал, задумчиво глядя в огонь камина и попивая из бокала бренди.

– Ну и ну, – только и сказал я; от жуткой истории инспектора мне стало страшно. – Неужели цветок может убивать?

– Очень интересная история, – подал голос из своего кресла Холмс. – Так что, инспектор, орхидея действительно убила этих людей?

– Без всяких сомнений, – подтвердил Лестрейд. – Именно так: орхидея убила этих людей.

– Однако, – продолжил он через минуту, плеснув себе ещё бренди из большого графина, – тут нужна, конечно, ясность. Убил цветок. Но у него, если можно так сказать, оказался соучастник. Меня, как вы знаете, мистер Холмс, на мякине не проведёшь. Кое-кому хотелось создать именно такое впечатление, что смерть произошла случайно, от неосторожного обращения с ядовитым растением. И я чуть было на это не клюнул. Но, будучи человеком тщательным и во всём сомневающимся (другой бы на моём месте поверил бы), я отправил цветок на изучение в исследовательский отдел, а сам стал собирать сведения об убитом и его трёх сожителях.

Как оказалось, у всех трёх были причины желать смерти доктора Глюма. Ситуация заключалась в том, что доктор Глюм составил завещание, которое почти в равных частях делило состояние доктора между секретаршей Пенни, полковником Бедхэмом, слугой Хостом и ботаническим музеем Лондона, куда, по завещанию, должна была попасть коллекция цветов. Так вот, ситуация в том, что, получив эту злополучную орхидею и заплатив за неё немислимые деньги, доктор Глюм собирался заказать ещё 50 подобных орхидей, которые бы обошлись ему в столь астрономическую сумму, что разорение доктора Глюма стало бы свершившимся фактом сразу после их покупки. Его, фанатичного коллекционера, такая перспектива не пугала – важнее было заполучить страстно желаемые орхидеи. Зато трое его сожителей, помощников и наследников совершенно ясно понимали, что в этом случае никакого наследства не будет – они не получат ни гроша. Таким образом, мотив убийства присутствовал.

К тому времени, когда я всё это узнал, стали известны и результаты анализа цветка в лаборатории. Оказалось, что в цветок насыпан чрезвычайно ядовитый порошок – какой-то цианид, если не ошибаюсь. Его и вдохнули доктор Глюм и коронер Степлтон. В доме доктора был произведён обыск, и в оранжерее доктора Глюма мы нашли баночку с цианидом, который, как оказалось, доктор Глюм использовал в своих опытах. Баночка, кстати, имела большую широкую пробку, которую открывали, судя по всему, зубами. Нашли и резиновые перчатки, одна из них имела следы яда.

Всё это и позволило нам найти убийцу. Одного из тех подозреваемых.

Инспектор Лестрейд поболтал содержимое своего бокала и допил бренди одним глотком.
– А вот теперь скажите мне, дорогой мастер дедукции, – обратился он к Холмсу, – кто оказался убийцей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.